

К 60-летию со дня рождения Евгении Янищиц

ВИКТОР ГОРДЕЙ

«Черный ворон над белою розой...»

Знаменитая полесская река — волшебнo-пленительная Ясельда, начав неудержимый бег на пружанских равнинах, тихо и неторопливо струится через всю Полесскую низменность, и, видимо, не случайно именно она нашептала первые трогательные строфы славной дочери этого края, нынешней царице белорусской поэзии Евгении Янищиц. Само название реки в интимно-сострадательной лирике поэтессы встречается не так и часто («Расхіну галлё прысад, што над Ясельдай навісла»), но, безусловно, в прозрачных ясельдянских волнах где-то здесь, у Поречья и Рудки, обмылись и ее светлая печаль, и невысказанная нежность, и горячее, не остывшее со временем чувство. Сильно канализированная у истоков, как снисходительно пишут научные сотрудники, а точнее, изувеченная и обезображенная мелиораторами, река Ясельда широкая и полноводная, густо заросшая ивняком и ольхами в устье, и почти такая же она, нетронутая, возле деревни Поречье.

Сюда, в Поречскую среднюю школу, Женя ходила из соседней Рудки, где родилась через три года после войны в семье фронтовика, сельского плотника и бондаря. Фамилия Янищиц немного непривычна для надприпятских мест, ибо имеет очевидные литовские корни. Здесь же, в сельских околицах, через канаву или грязкий ручей когда-то был переброшен деревянный мостик, по которому, согласно образному высказыванию критика Рыгора Березкина, «Полесья милое дитя» — Е. Янищиц просто-таки залетела в белорусскую поэзию. Тот давний фотоснимок, напечатанный в газете «Літаратура і мастацтва» вместе с большой подборкой стихов, и поныне стоит перед глазами: улыбочивая, счастливая девчонка легкокрылой птицей устремилась куда-то вверх над деревенскими кладками. Следует сказать, она и сама не забыла, какой земле и чьим рукам ее болезненно-впечатлительная душа обязана вознесению в вечную славу и бессмертие, и однажды о начале своего творческого пути вспомнила в стихотворении «Ода кладцы»:

Дарога йшла наўпрост
Ў шаснаццаць без аглядкі.
А пачынаўся мост
З вясковай тонкай кладкі:

Дрымучы дзед Яўсей
Масціў яе трывала.
І кладачка трымала
Вяскоўцаў і гасцей.

.....
Не нараку на лёс,
Дзе песня шчыравала,

Бо кладка да нябёс
Не раз мяне ўздымала.

Столетний, «дремучий» дед Евсей, когда клал тонкие жерди через болотистую низину, вряд ли узнал, что тем самым и он оказался причастным к большому чуду. Ведь не прошло и трех десятилетий, как на карте Полесья образовался классический писательский треугольник: Лунинец—Пинск—Иваново. Говоря по современному, каждому из названных регионов принадлежит, по крайней мере, одно знаменитое литературное имя. На Лунинецкой земле, среди топких болот у станции Лунин в Первую империалистическую войну, как известно, проходил армейскую службу Александр Блок. На Ивановщине, опять же, не так и далеко от Ясельды, стоит село Достоево, откуда вышли предки Федора Достоевского, и хотя русский писатель никогда здесь не был, по свидетельству современников, всегда помнил и высоко ценил свои полесские корни. Ну и, наконец, ныне не менее знаменитое и дорогое для всех белорусов имя Е. Янищиц по праву принадлежит Пинску, который, если стать лицом к Украине, как раз и видится вершиной этого воображаемого треугольника. Поэтесса, судя по ее лирическим признаниям, хорошо знала и любила произведения своих неслучайных кумиров, а теперь уже соседей по литературной славе. Вот, к примеру, ее философско-рассудительное стихотворение «Па дарозе ў Дастоева»:

Шукаць карэньчыкі роднасці сваёй?
А тут — лясы, падзолістая глеба.
А тут — каторы дзень! — ілье пралой,
Як Дастаеўскі, схмарылася неба.

Нацяты нервы сэрцаў і планет.
І новы ўжо Раскольнікаў бунтуе.
На астраўкі расколаецца свет.
Якая ж прыгажосць яго ўратуе?

По дороге в Достоево те же леса и «падзолістая глеба» поэтессу видели и, наверное, не один раз — близко совсем, но второй ее кумир — А. Блок, который, кстати, в подбитой ветром офицерской шинели месил полесскую грязь уже будучи автором бессмертных стихотворений «Незнакомка» и «На поле Куликовом», надо думать, сопровождал Евгению Янищиц повсюду, куда бы ни забросила ее судьба: в родной деревне Рудка, в мрачно-насупленном Минске, за границей, где она продолжительное время жила после окончания Белгосуниверситета. У А. Блока не найдется что перебирать, чтобы выбрать еще лучшее, хотя, если откровенно, и бриллианты имеют разную цену, но все же легко прослеживается, что едва ли не самым любимым у белорусской поэтессы было блоковское стихотворение «О, весна без конца и без краю». За мучения и гибель принимая жизнь такую, какой она есть, великий русский поэт-пророк в названном стихотворении показал эту земную жизнь во всем своем богатстве и нищете, в первозданной красоте и трагической сущности, что целиком соответствовало духу, темпераменту и настроению в творчестве самой Е. Янищиц. Еще тогда, когда полесскую землю заливала «серошинельная солдатская кровь», А. Блок призывал: «Полюби эту вечность болот», и через много десятилетий изболевшееся сердце искренней белоруски отзывалось стихотворением «Гамаюн на Палессі»:

Свет повен тайны і здзіўлення,
І немаўлінай віднаты...
Але ад самага з'яўлення
Смуткуеш ты, і любіш — ты.

Туга, як хмуры панядзелак.
Пагосты. Ніцця кусты.

Апранены ў глухі шынелак,
Смуткуеш ты, і любіш ты.

.....
Не боскай міласцю стыхіі —
Даверам споўнены лісты.
І сэрцам матухны Расіі
Смуткуеш ты, і любіш ты.

У А. Блока действительно есть небольшое стихотворение «Гамаюн, птица вещая», в чем-то немного мистическое, но полное душевной тревоги и тоски по той человеческой правде, о которой уже говорят «уста, запекшиеся кровью». Стоя перед картиной В. Васнецова, поэт предвидит и гибель народов, и зловещие пожары, и извечный ужас перед начертаниями истории. Ну, чем не пророчество? Все это произошло, и не один раз. А гамаюн вовсе и не самая страшная птица. По древнерусскому поверью, гамаюн — всего только сказочная птица с человеческим обликом; умеющая предсказывать будущее. Хорошо, если светлое, солнечное, ясное. Но куда более зловеща и страшна другая птица — черный ворон в Беларуси, иначе еще — крумкач, груган, крук.

Черный ворон — извечный атрибут фольклора и народных песен, поэтический символ нечистой силы. Пусть «черный ворон в присмерке снежном» вволю покружился в поэзии А. Блока — все же русский поэт был неисправимым мистиком, видел мир, как отмечают исследователи, то в символических условностях, то в реальных христианских образах, однако сквозь даль времени, поставленные перед фактом необратимой утраты, многие из нас «прозорливо» заметили, что и в поэзии Е. Янищиц вовсе неслучайно «Заўчора трывожна крычалі, пакідаючы Пінск, журавы». Они кричали не только над Пинском — кричали над Минском, над родною Рудкой и Поречьем. Потом незаметно, «паміж сполахаў і дрэў», мелькнет тень вороньего крыла. Зловещий символ прочно поселится в книгах знаменитой поэтессы — рядом с ее душевной болью, тоской и кручиной. На глазах меняется само настроение и тон стихов: «Ты плачаш, мама?», «Расце яшчэ на полі наш горкі хлеб. І горкая любоў». Правда, это будет позже, уже в зрелые годы жизни и творчества. А начинала Е. Янищиц, пожалуй, как и все наши ровесники, стихотворениями о Родине и природе, чистых устремлениях и светлой любви, и каждый раз толчком к поэтическому потрясению души у десятиклассницы Поречской средней школы было обычное удивление:

Хаджу па нівах, па лугах азёрных,
Начую летуценна ў будане
І думаю, чаму мне так прасторна?
І песня прылятае да мяне.

Тогда, в начале шестидесятых, когда, кажется, и солнце светило ярче, чем сегодня, и земля была не такой опустошенной, как ныне, благодаря своим первым стихотворениям, которые часто передавались по радио, имя талантливейшей школьницы с Полесья стало известно по всей Беларуси. В деревню Рудка полетели косяки приветственных писем от сверстников, горячих поклонников творчества совсем еще юной поэтессы. Можно только удивляться, когда она успевала всем отвечать! Брестский журналист и писатель Микола Панасюк, родом из Дрогичинщины, как-то опубликовал без малого три десятка юношеских посланий от улыбочивой ясельдянской девчонки, и еще, наверное, остались в архиве. Незадолго до своей преждевременной смерти большую радиопередачу по давним письмам Е. Янищиц подготовил и Микола Федюкович, также очень близкий земляк ясельдянской знаменитости. И таких корреспондентов из разных уголков Беларуси у нее было множество. Тем временем, месяц за месяцем, лето за летом, газеты и радио, а иногда и народная молва, приносили все новые и новые известия о нашей общей любимице. Женья окончила Поречскую среднюю школу и поступи-

В. Жукович, В. Гордей, Е. Янищиц, В. Проскуров
в редакции ганцевичской газеты «Савецкае Палессе», 1972 г.

ла на филфак Белгосуниверситета. Ее пригласил в ЦК КПБ и тепло приветствовал сам Петр Миронович Машеров. «Полесская ласточка» получила диплом филолога, вышла замуж, издала поэтическую книгу «Снежные грамніцы».

О, это была настоящая радость для любителей поэзии — первый, долгожданный сборник стихотворений уже признанной и обласканной славой Е. Янищиц. Позже она издала много поэтических книг, одна другой лучше, да и названия, смотрите, какие изящные, красивые: «Дзень вечаровы», «Ясельда», «На беразе пляча», «Пара любові і жалю», «Каліна зімы». В каждой из них романтически-возвышенные, чувственные стихи впечатляют, как говорится, глубиной осмысления проблем современности, жадой «чысціні, адкрыцця, дабраты», неразрывной, кровной связью автора с родной землей, милым сердцу Полесьем.

Однако первая книга — она и есть первая, пусть себе и тоненькая, маленькая, с примитивным «телевизорным» оформлением обложки. Но зато ядреное, морозно-хрустящее название — «Снежные грамніцы»! Есть в ней и глубина мысли, и горячее чувство, и вот это откровенное признание землякам: «Ад таго і я, напэўна, летуценная пішу, што глыбока вашы песні мне запалі ў душу». Лауреатом премии Ленинского комсомола Беларуси Е. Янищиц станет за свою книгу «Дзень вечаровы», лауреатом Государственной премии имени Янки Купалы — за более позднюю книгу «Пара любові і жалю», но мне кажется, что весь дальнейший творческий успех поэтессы обусловлен именно сборником «Снежные грамніцы», точнее, богатством содержания, яркими изобразительными красками, сочным языком («палескі нетаропкі гаварок»), сердечными, искренними порывами:

Ты пакліч мяне. Пазаві.
Там заблудзімся ў хмельных травах.
Пачынаецца ўсё з любові,
Нават самая простая ява.

.....
І тады душой не крыві
На дарозе жыцця шырокай.
Пачынаецца ўсё з любові —
Першы поспех і першыя крокі.

Ты пакліч мяне. Пазаві.
 Сто дарог за маімі плячыма.
 Пачынаецца ўсё з любві,
 А інакш і жыцц неамагчыма.

Сама поэтесса этой большой любовью страдала и жила, мыслила и творила, хоть и не прошла до конца своих ста дорог — предначертанных судьбой, их было значительно меньше. Всю щедрость таланта, мудрость ума, нежность души она отдала Полесью, Ясельде, родным и близким, дорогим землякам и односельчанам. Возьмите ее любую книгу и полистайте: сколько там одних только имен, надо думать, самых близких для автора людей. Дед Евсей и дед Степан, тетя Матрена и дядя Артем, бабушка Паланея и Марцеля, Матвей и Птимея, Савва и Мария. Едва ли не каждому жителю Рудки, а то и Поречья, Евгения Янищиц посвятила много вдохновенных и душевных строчек. Горячей любовью к отчему краю, уважением к полешукам, кажется, так и дышит едва ли не самая лучшая ее поэма «Ягдны хутар», кстати, почти не оцененная критикой. И земляки поэтессе платили тем же — своей «шурпатай» крестьянской любовью, полесским, ни с каким другим несравнимым гостеприимством. Хорошо помнятся многолюдные авторские встречи, которые в конце семидесятых и в начале восьмидесятых годов налаживались в Ганцевичах. Тогда, кажется, весь наш полесский глубинь-городок ходил возбужденный: приехала Е. Янищиц! Здесь у поэтессы появилось много друзей, нашлись даже односельчане, выпускники Поречской средней школы, в частности председатель «Межколхозстроя» Андрей Савчук. Кстати, в первый же ее приезд мы и познакомились, что называется, в рабочем порядке. Редактор районной газеты Василь Проскуров всегда славился отличным художественным вкусом, имел широкую натуру, и не один раз в веселой компании с уважаемой гостьей мы выезжали на природу. Е. Янищиц в Ганцевичах чувствовала себя как дома. Действительно, до Пинщины — рукой подать. Если из моих родимых мест на рассвете выбраться в путь напрямик через Мальковичские леса и болота, то уже к вечеру можно было бы смыть дорожную пыль в тихоструйной Ясельде.

О тех давних годах, когда в народе еще высоко ценилось поэтическое слово, к сожалению, сегодня остались лишь приятные воспоминания. На свои авторские отчеты Евгения Янищиц обычно приезжала не одна: помню ее рядом с Геннадием Буравкиным, Василем Жуковичем, Василем Яковенко. Между тем забот у прославленной землячки хватало и там, в Минске: трудилась литконсультантом в «Сельской газете», растила маленького сына Андрея. В 1981 году в составе белорусской делегации она побывала на Американском континенте, где принимала участие в работе XXXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Стоит отметить, что Е. Янищиц имела большой дар открывать юные таланты и затем упрямо, настойчиво направлять их на правильный путь. Почти пять лет, до мрачной осени, когда ее не стало, признанная далеко за пределами республики писательница возглавляла отдел поэзии журнала «Маладосць», и многие авторы еще и поныне с благодарностью вспоминают ее сердечную, квалифицированную помощь. Сама же она работала плодотворно и много, а в конце жизни издала и книгу избранных стихотворений «У шуме жытняга святла».

Вот эта прекрасная книга на моем столе, перед глазами: весомый томик, удобного формата, в твердой обложке. Приятно взять в руки, потому что и раньше, и поныне отношение к поэтическим, даже очень талантливым, книгам у издателей неважное. На странице 164 известное стихотворение Евгении Янищиц «У шуме жытняга святла». Взгляд притягивает строфа: «І покуль гэты поўдзень спелы дым тарфяны не завалок, на зрэзе дня — рамонак белы і пасівелы васілёк». Маленький лирический шедевр, как вспоминается, написан где-то в начале восьмидесятых. В то время в стихах поэтессы еще не замечалось ни печали, ни губительного уныния. То ли неустроенность собственной жизни, то ли «ранний славы лёд», то ли совсем что-то другое, а возможно, и последствия автомобиль-

ной аварии, когда «здавалася: ні голасу, ні цела, а ў галаве — сірэны і званы», однако зловещая птица, символ нечистой силы, все-таки не миновала и поэзию известной и слишком молодой даже по прожитым годам поэтессы:

Усё яшчэ... Яшчэ — не ўчора.
Але з якіх глухіх начэй —
Мне зазірае ў вочы воран
Бязлітасна, нібы Кашчэй.

Гэта сонца так жорстка смяецца,
Што балюча ўглядацца да слёз,
Ці гарачае бацькава сэрца
Чорны воран у дзюбе прынёс?

Адкажы, да чаго б гэта, дружа,
Кружыць,
Сну разарваўшы кілім,
Чорны воран над белаю ружай —
Як над выстылым сэрцам маім.

Что тут сказать? Черный ворон — птица зловещая. Это не гамаюн — сказочная птица с человеческим (хорошо, что не с женским) лицом. Гамаюн — просто птица, птица-вещунья. «Гамаюн на Палессі» — стихотворение, посвященное А. Блоку, однако это произведение и о себе, о собственном измученном сердце. Е. Янищиц, очевидно, предчувствовала свою судьбу, не написала бы она щемяще-болезненное стихотворение «На ўсякі выпадак...», в котором учит сына быть добрым и честным, не менять друзей. «Бо можа здарыцца, што заўтра — не выйду табе насустрач». И подпись — как в предсмертном письме: «Мама». Безусловно, каждый творец покидает после себя много загадок и тайн. Не стала здесь исключением и трагически, нелепо погибшая Евгения Янищиц. Но не надо споров, ненужных, бессмысленных догадок. Поэтесса, кажется, сама расставила все точки над «і», над неоконченной исповедью своей жизни:

Жывіце і любіце,
Свой беражыце дом.
...Як птушку у блакіце,
Мяне застане гром.

Была ў жыцці я весняй
І лёгкаю на ўзмах
Над соснамі — у лесе,
Над жытам — у палях.

Таму раскажуць сосны,
Жытоў паспелых звон
Пра лёс мой высакосны
І невыносны сон.

Зямля — мая калыска,
Табе адной відаць,
Што немагчыма нізка
Ні падаць, ні лятаць.

Даже и не верится: прошли уже десятилетия, как рядом с нами нет Евгении Янищиц, белорусской национальной поэтессы. Без нее над древним Пинском одиноко и тревожно кричат журавли, без нее новые рассветы золотятся «у шуме жытняга святла» и молча печалится в осоках величественная волшебница Ясельда. Полесье не забывает свою славную дочь. На ее родине открыт дом-музей, именем Е. Янищиц названы улицы, традиционными стали здесь праздники поэзии. Память о талантливой поэтессе живет в наших сердцах. Но все равно без нее — скорбно, грустно и очень уж неудобно. Рано, очень рано черный ворон пролетел над белой розой. Выходит, прав был А. Блок: гамаюн — птица вещая.

